

*Каждой девушке,
которой доводилось сомневаться,
что в ней есть все необходимое*

ГЛАВА

1

— Постарайся не опозорить нас, — говорит мне брат. — Если сможешь.

Я смотрю на пустой двор и будто бы не замечаю, как слева ухмыляется лорд Дэйрилин. Ему всегда по душе колкости брата, особенно в последние три года. Среди окружающих дворян шорохи и возня, но я не понимаю, смешно им или наскучило ждать. Мать хмурится, не отрывая взгляда от ворот. Может быть, настраивается на визит короля, а может — просто нисколько не надеется, что я ее не опозорю.

Глухой перестук копыт становится громче. Звучит как налетающий ураган, как ровный гулкий рокот, предваряющий ливни и шквальные ветра. Я крепко сжимаю руки и хочу, чтобы это скорей закончилось.

Конный отряд рысью въезжает в ворота, деревянные стены умножают лязг подков по брусчатке и перезвон упряжи. Первые всадники разъезжаются в стороны, освобождая путь следующим. И следующим. Я с тревогой смотрю на мать, затем снова на солдат. Насчитываю двадцать человек в легких доспехах, прежде чем понимаю, что их по крайней мере вдвое больше. Меж ними скачут пятеро нарядно одетых всадников.

Никаких приказов не слышно, а вся толпа уже слаженно перестраивается, конные гвардейцы встают в два ряда, образуя проход между нами и пятеркой людей в середине. Титулованные гости мягко спрыгивают на землю, будто ни руки, ни стремяна им вовсе ни к чему. Я мельком вижу, как у главного конюха, готового принимать лошадей, взлетают брови и загораются восхищением глаза.

— Его Величество король Менайи, — возглашает один из придворных, когда их правитель выступает из сердца свиты вперед и легонько кланяется. Остальную часть представления гостя, длинные списки титулов и предков я уже не слушаю. Вместо этого рассматриваю короля. Кажется, он старше моей матери, но выглядит для своих лет прекрасно. Высокий и подтянутый. На нем традиционный для их народа летний плащ: свободный, распахнутый спереди, без капюшона, но с рукавами, серебряная вышивка ярким штрихом вьется по краям темно-синей ткани. Под плащом туника до колен, изящно расшитая серебром и самоцветами, и эти их необычные широкие штаны. Ниспадающие до плеч волосы, черные с проблеском седины, оттеняют смуглую кожу и смягчают острые соколиные черты лица. Вокруг глаз короля собирается тонкий узор из морщин. Он обводит взглядом горстку нашей знати и улыбается, и ничего, совершенно ничего нет за этой улыбкой.

— Ее Величество вдовствующая королева-регент Адании, — в свою очередь объявляет распорядитель Джераш. Мы кланяемся следом за матерью, присевшей в реверансе. Она облачена в свое лучшее парчовое платье — слишком теплое для ранней осени, — и все же в ней нет и половины того величия, что излучает король. Но ведь и наше королевство — удачно укрытый горами клочок леса — ничтожно в сравнении с его землями. Менайя — страна безбрежных равнин, богатая фермами на юге и лесами на севере. И еще солдатами. Я сглатываю комок в горле и опускаю глаза. У нас всего пятьдесят человек при дворе. У короля в отря-

де хватит вышколенных воинов, чтобы захватить наш дом и присоединить наше королевство к своему легко, будто докинув мелкую монетку в кошелек.

Однако, если кухонные пересуды не лгут, он здесь вовсе не за тем. Ну или за тем, но начинает игру издалека.

Джераш представляет брата, который кланяется немножечко ниже, чем король. Теперь мой черед. Делая реверанс, я чувствую пристальное внимание короля и изучающие взгляды всей его свиты. Не поднимаю глаз, стараюсь дышать ровно. Только бы он оказался добрым и мягким, каким был мой отец; только бы и сына воспитал таким же.

— Принцесса Алирра, — произносит король. Я выпрямляюсь и гляжу ему в глаза. Он изучает меня так, будто выбирает козу, скользит взором холодным и оценивающим, словно мясник, прежде чем снова смотрит в лицо. — Мы наслышаны о вас.

— Милорд? — Я давно выучилась отвечать ровным и спокойным голосом, если напугана только до полусмерти. Вопреки моим молитвам, нет в его характере ни единой мягкой черточки.

— Наслышаны о вашей честности. Необычная особенность, я бы сказал.

Внутри тутим клубком вьется ужас. Я через силу складываю губы в подобие улыбки. За любой другой ответ семья просто раздавила бы меня презрением. Брат застыл как истукан, руки по швам.

— Вы очень любезны, — выступает вперед мать.

Король еще мгновение смотрит на меня, оставляя ее без внимания. А я ведь уже думала, что смогу убежать от судьбы, от своего положения в семье, — и так ошибалась. Никакого чудесного будущего ждать не стоит. Король приехал за мной, прекрасно зная, что для семьи я пустое место.

Он отворачивается и вежливо улыбается матери. Получив приглашение, сопровождает ее вверх по трем ступенькам и сквозь большие деревянные двери дома. Мы с братом

идем следом, за нами по пятам — придворные вперемешку с королевской свитой.

— Честная Алирра, — повторяет брат так, чтобы все рядом его услышали. — Какая ты у нас разумная и мудрая принцесса.

Я иду, будто не обращаю внимания. Теперь целую неделю придется озиаться и прятаться от него по углам. Из-за гостей вино и эль в доме будут литься рекой, а это плохо вдвойне. И все-таки не злые выходки брата занимают сейчас мои мысли, а то, что нужно королю и, главное, зачем.

Мне удастся ускользнуть, когда король скрывается в покоях, чтобы отдохнуть после традиционного обмена подарками и угощения легкими закусками. Их встреча с моей матерью, братом и Советом лордов назначена перед ужином. И хотя едва ли брат станет искать меня прямо сейчас, я на всякий случай прячусь в одном из немногих мест, до посещения которых он точно никогда не опустится.

Вся кухня отчаянно готовится к вечернему пиру. Стряпуха раздает приказы и сыплет пряности в котел. Дара, Кетси и еще три служанки едва поспевают нарезать, шинковать и разделявать. Кто-то из солдат пытается замесить тесто, неловко сплющивая его пальцами, а бедный малыш Ано, которого зовут на кухню только в крайних случаях, отважно старается нацепить на вертел будущее жаркое.

— Давай-ка мне. — Я спасаю тесто из солдатских рук. — Лучше помоги Ано с мясом.

Солдат бросает на меня благодарный взгляд и отходит к очагу. Кетси забирается на скамью рядом со мной, чистит морковь.

— И какие они? — спрашиваю я, взглянув на нее.

Может, она еще и маленькая, но понимает враз.

— Воспитанные. От них совсем никаких хлопот, и старшим девочкам не докучают, не то что *иные* господа, которым все равно, по душе это кому-то или нет. Но они ж еще недолго пробыли. Поглядим.

Поглядим, да. Неизвестно, на всю ли неделю хватит благовоспитанности менайцев. Еще успеем понять, каковы они.

— Дара! — окликаю я служанку постарше, работающую за другим краем стола.

— Я поставлена подавать ужин, — слегка улыбается она, не отвлекаясь от перебирания горошка, — так что смогу все рассказать вам после. К чему-нибудь нужно особенно присмотреться?

— Сколько из них знают наш язык, — отвечаю я, принимаясь месить другой бок теста. — И что они говорят о своем принце. Ну, какой он...

«...такой же расчетливый и безжалостный, как отец?» — заканчиваю уже про себя.

Девушка кивает:

— Постараюсь разузнать.

— И что ты, по-твоему, творишь? — громко вопрошает Стряпуха.

Я оборачиваюсь и вижу, что она мрачно глядит на меня, уперев руки в бока. Позади нее шкворчит над пламенем жаркое на вертеле, солдата нигде не видеть.

— Все хорошо, — говорю я. — Просто замешиваю тесто.

— Совершенно *ничего* хорошего, — отрезает она, сузив глаза. — Я не допущу, чтобы король решил, будто у нас настолько отчаянное положение, что принцесса должна кухарничать! Тесто доделать и Дара может. Поди, посиди в саду, или что там еще делают великосветские дамы.

— Не представляю, что они делают, — говорю я, отодвигая миску с тестом подальше от обходящей стол Дары. — Я дама разве что среднесветская, а в саду у нас одни травы да пряности. Едва ли он стоит того, чтоб там сидеть.

— Дай-ка сюда, — тянется за миской Дара.

— Ты сейчас же отдашь ей тесто, иначе наутро останешься без завтрака, — говорит Стряпуха с нехорошим блеском в глазах. Не очень-то верится, но порой она свои

угрозы действительно выполняет. — Что, если Его Величество прознает, что ты тут с нами сидишь, а?

— Ну ладно же, — вздыхаю я, уступая миску усмевающейся Даре.

— А теперь поди, — увещевает Стряпуха. — Станешь снова помогать после... — Она замолкает, не хуже меня понимая, что может и не быть никакого после. Повторяет потеплевшим голосом: — Иди, девочка.

Я тщательно выбираю путь с кухни, далеко обходя переговорные комнаты и главный зал. Первую встречу, скорее всего, посвятят положению дел в наших королевствах и отношениям между ними. Правители будут присматриваться друг к другу. Мать и ее лорды, конечно же, станут твердить о плачевном состоянии дороги через перевал и о том, как ее лучше укрепить. Но это мы так сильно полагаемся на торговлю с Менайей, а у них полно более важных торговых партнеров. Не думаю, что короля сильно беспокоит путь через горы в королевство размером с чашку. Он точно не станет заботиться об этой дороге с упрямым усердием матери и Совета. Может быть, его настолько отвратит весь разговор, что он сократит визит и уедет завтра же.

Хотелось бы верить.

Вот только, думается мне, король не из тех, кто отказывается от желаемого. Понять бы еще, почему именно *меня* он желает в жены своему сыну. И зачем тогда было сразу осмеивать меня перед придворными.

Я без происшествий добираюсь до своей комнаты и запираю дверь. Очень хочется прокатиться верхом, но вечер уже скоро, а я не смею опоздать на праздничный ужин. И без того трудно теперь рассчитывать на милость матери. Да и брат может попытаться отыскать меня на конюшне.

Поэтому я выкапываю два других моих лучших платья, отряхиваю их и ищу следы явной заношенности. Всего у меня три наряда для особых случаев, и лучший из них я уже надевала к прибытию гостей. В конце концов, не так уж и много к нам приезжает иностранных королев. Трех

платьев вполне хватает для ежегодных собраний и пиров, на которые съезжаются вассалы матери, но король и его свита наверняка ожидают от меня большего. Я пожимаю плечами и устраиваюсь подшивать обтрепанный подол.

Джилна заглядывает на закате дня. Сколько я себя помню, она всегда работала у нас, только обязанности менялись с годами. Когда умер отец, именно у нее я искала поддержки, а со временем она стала мне кем-то вроде камеристки.

— Стряпуха там ужасно расшумелась. — Джилна пробегает пальцами по подшитому полотну. — Это вы починили?

— Только закончила. Что ее так расстроило?

— Тесто не поднялось, так что пришлось замешивать новое, и жаркое никак не пропечется, и вообще все под-ряд. — Джилна расправляет плечи, на усталое лицо ложится улыбка. — Уж не знаю, то ли она просто ворчунья, то ли специально так дело поворачивает, чтобы похвалили, когда все выйдет как надо.

— Всего понемногу, я полагаю.

— Да уж! — смеется Джилна, раскладывая мое платье на кровати. — А вам еще нужны украшения.

— Зачем?

— Чтобы вы побольше походили на принцессу и поменьше на приодевшуюся кухарку.

Несмотря на все ее старания, даже надев ниточку жемчуга и все три золотых кольца, я наверняка выгляжу жалко в своем стареньком наряде, когда присоединяюсь к семье в небольшой комнате возле главного зала в ожидании прихода короля. Мать все в том же парчовом платье, к лифу приколоты крупная золотая брошь. Брат скрестил руки на широкой груди и стоит не шевелясь; на нем длинные золотые цепочки, когда-то принадлежавшие отцу. Богатство же короля будет видно вовсе не в золоте, а лишь в дорогих тканях одежд и тонкой выделке сапог. Намного более искусный и убедительный способ подчеркнуть величие.

— Идет, — резким голосом бросает мать брату. — Улыбайся.

Оба натягивают приветливые улыбки, широкие и радостные. Король, явившийся с двумя вассалами, бросает на них взгляд, изгибая губы в ответ. Потом он смотрит на меня. Я стойко выдерживаю этот взор, пытаюсь понять, чего король ждет, что пытается увидеть. Его глаза, жесткие будто кварц, не дают ответов.

Когда он заговаривает, то обращается к матери, коротким приветствием позволяя нам переходить к ужину. Я иду вместе с другими в зал и занимаю свое обычное место, пока все рассаживаются за столами.

— Пытаетесь выглядеть подобающе? — Этот громкий презрительный голос ни с чем не спутать. Его невозможно забыть. Вот уже три года я вынуждена сидеть бок о бок с самым высокородным вассалом моей матери — и отцом моего заклятого врага.

— Лорд Дэйрилин. — Я осторожно бросаю взгляд на соседа. — А вы, смотрю, надели бархатный камзол.

Лицо лорда идет красными пятнами, но он не унимается:

— Очень жаль, что вы сами не смогли подобрать наряд получше ради нашего гостя. А ведь он проделал долгий путь исключительно ради вас.

— Неужели? — Я позволяю своему голосу выдать лишь легкое любопытство.

В груди пусто. Приходится через силу дышать и сохранять невозмутимый вид. Несмотря на все разговоры об этом со слугами, объявленное лордом в открытую пугает меня. До сих пор это казалось только полуправдой, странной и невозможной вероятностью, сказочным спасением от семьи, которой я не мила. Так было раньше. Теперь никуда не деться от истины — и от короля, расчетливого, холодного, прибывшего за мной.

— В таком случае, я полагаю, он привез бы и принца тоже, — продолжаю я. Приходится изо всех сил следить за тем, чтобы не стискивать ножку бокала.

— И предоставил двору вести политические игры, когда Семья едва совладала со своими лордами и колдунами? Едва ли. — Дэйрилиин морщится и тянется за ножом. — И как вы с матерью можете быть родней, уму непостижимо.

По его знаку подходит служанка и отрезает три ломтика жаркого. Кладет их на мою тарелку, прежде чем подавать ему, хотя я даже не притронулась к ножу. С того самого дня три года назад у слуг стало негласным правилом в первую очередь заботиться обо мне. Неприметный, но и неизменный знак преданности, который бесконечно досаждал Дэйрилину.

Я украдкой смотрю в сторону столов, за которыми едят солдаты. В своих кожаных с бронзой доспехах, отражающих свет очага, со стянутыми в тугие узлы смоляными волосами, с темными рукоятками клинков на боку чужеземные воины кажутся ястребами в стайке воробьев. Наши солдаты и дамы на их фоне выглядят бледными и выцветшими, настолько светлее у нас и кожа, и волосы. И хотя наши мужчины тоже носят мечи и кинжалы, пусть всегда убранные в ножны, в их походке нет и капли отточенного изящества менайцев.

Рассматривая гостей, я встречаю взгляд их командира. Волосы у него убраны так же гладко, как у остальных воинов. Ни одна прядь не смягчает резких черт, так что лицо кажется высеченным из камня; глаза пусты и безжалостны. Я поспешно отворачиваюсь обратно к Дэйрилину. Может быть, лорд сболтнет что-нибудь, чем не изволила поделиться мать.

— Не думаю, что мы для них — значимый союзник, — как будто бы небрежно замечаю я. — Не вижу причин королю ехать в такую даль из-за меня.

— Возможно, им просто нужна мышка в мышеловку, — отвечает лорд. — Члены королевской семьи там умирают с поразительной частотой. Едва ли они захотят огорчить более ценных союзников, ненароком загубив приехавшую от